

В свое время «ЭС» первой опубликовала фрагменты книги Валерия Фрида «58/1/2». Сейчас публикацию начал журнал «Киносценарии». Надеемся, что книга — полностью — дойдет и до более широких читательских кругов. Об авторе, героях и об особых свойствах книги, которые и делают ее рождение особым событием, — речь в этой статье.

«Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда», «Жили-были старик со старухой», «Сказ про то, как царь Г. тр арапа женил», «Тень», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Семь нянек», «Высокое звание», «Красная площадь», «Старая, старая сказка», «Сказка странствий», «Экипаж» — вот далеко не полный список фильмов известных авторов, маститых сценаристов Юрия Леонидовича Дунского и Валерия Семеновича Фрида. Не хочется сравнивать их популярность с популярностью других, не менее уважаемых и достойных авторов, но одно можно сказать с определенной уверенностью — Дунский и Фрид стоят на вершине отечественного кинематографа. Стояли, стоят и стоять будут...

Из рукописи В. Фрида «58/1/2»:
«Когда окончилась гражданская война, все комиссары слезли с коней, отстегнули от ремней маузеры и всерьез занялись половой жизнью. Поэтому у всех у них первые дети родились в двадцать первом —

двадцать втором году. В тридцать седьмом родители — почти всех — посадили, а самых видных расстреляли. Дети были

тогда школьниками, с ними не связывались. Но к концу войны повзрослели, и кому-то на Лубянке пришла в голову счастливая мысль...»

Эта книга еще не дописана, и будет ли дописана вообще, никто не знает, даже сам автор — Валерий Семенович Фрид. Это не мемуары, не проза, а скорее легкий, неторопливый рассказ человека. Рассказ завораживает — услышав первые слова, хочется знать, что будет дальше, и еще, еще...

Рассказ лишь форма. А суть?

Вперед выступает природная естественность рукописи. Это и есть ее суть — природное естество, оно не подвергается оценкам, оно просто

существует, и все. Казалось бы, ничего особенного не произошло: еще одно произведение заняло свою достойную нишу в нашей бесконечной литературе. Заняло, и слава Богу. Но не так все просто. Случилось нечто.

Проходит время, и все превращается в историю.

Страх режима, абсурд эпохи, дикость и бессилие государственности.

И вот уже почти ничего не задевает нашего человека (а иноземца и подавно) — прошлое превращается в историю страны: кто-то к нему равнодушен, кто-то относится со стыдом, кто-то — с болью. Книжки ставятся на свои полочки.

Но появляется новая рукопись, и мы чувствуем, что готовых ярлыков не хватает. Почему?

Да потому, что пришло нечто самоценное, как природа, нечто простое, как любовь и дружба, нечто глубокое и конечное. Пришло само естество,

и душа пришла. Вот оно верное слово — душа!

А душа — вечна, к ней хочется возвращаться еще и еще.

Она органична. Так же и автор (со своим произведением) органичен. Он не пугает и не пугается. Он не вещает и не проповедует. Он

просто живет в своей эпохе. Он словно подчеркивает — литература беспечна и этим особенно прекрасна. И от этой простоты и органичности вдруг начинает исходить такая мощная энергетика, которая по-настоящему радует.

Стоп! Бессмысленно расхваливать книгу, которую никто не читал. Так легко уподобиться критикам, которые, увидев на просмотре новый фильм, тотчас спешат высказать свои суждения в прессе, порой забывая о том, что фильма-то в прокате может никто и не увидеть.

Речь о другом — скорее это попытка представления авторов и рукописи одновременно.

Здесь нет ошибки — именно авторов, Дунского и Фрида, а не одного из них, Фрида, который и значится автором произведения.

Странная вещь происходит при чтении, все время как бы присутствуют оба соавтора: авторское «я» незаметно и органично переходит в «мы».

Истинное соавторство настолько удивительно, и со временем так привыкаешь к двум фамилиям, что вообще, кажется, они принадлежат одному человеку. Ну-ка, попробуйте «растачить» Ильфа и Петрова, Алова и Наумова. А XIX век предложил на суд читателей и вовсе поразительный пример — Козьма Прутков!

Итак, соавторы Дунский — Фрид и рукопись — их судьба.

Их познакомили еще в седьмом классе. До этого они не знали друг друга и, едва сойдясь вместе, тут же стали ругать только что вышедшую на экраны картину «Дети капитана Гранта». Но просто слов им

показалось мало. Вечером каждый из них написал на фильм пародию. На следующий день они прочитали варианты друг другу, посмеялись от души и тут же сели писать вместе.

Иначе как судьбой это не назовешь. У них совпадало почти все — увлечения, мечты,

ВГИК поступать», — посоветовал он.

из РУКОПИСИ:

«Меня приводили на допрос к Манарову, и начиналась обычная болтовня:

— Ну, Фрид, будем давать показания?

— Я вам все сказал.

— Колись, Фрид, колись. Вынимай камень из-за пазухи.

— Все, что было, вы уже знаете.

— Ну, подумай еще, подумай... Знаешь, что сказал великий гуманист?

— Знаю. «Если враг не сдастся...» Но я-то не враг.

— Ничего, мы из тебя сделаем антисоветчика!

— Конечно. Это как помидор: сорвали зеленый, в темном месте созревает.

— Поменьше умничай. Кто кого сгребает, тот того и у-у... Знаешь, как там дальше?

— Я знал...»

Учеба во ВГИКе прерывалась два раза — в первый раз военной, второй — арестом.

В конце осени все побежали из Москвы, и Дунского с Фридом разделило.

Они вновь встретились в Куйбышеве, но ненадолго. Война упорно растаскивала

соавторов в разные стороны. Вторая — и уже окончательная — встреча произошла в Алма-Ате, куда был эвакуирован ВГИК. Тут Фрид, проявив железный характер, добился того, чтобы Дунский не отступал с родными дальше, а остался в институте для продолжения учебы. Больше они не расставались...

В конце 43-го ВГИК вернулся в Москву, вместе с ним вернулись и Дунский с Фридом. Вернулись, чтобы быть арестованными.

Друзьями Дунского и Фрида оказались Бубнова, Сулимов и Гуревич. Этого оказалось достаточно, чтобы дали по «десятке» и «вечное поселение» потом...

В рукописи Фрида основную часть занимает мир тюрем и лагерей.

Это действительно целый мир, не смазанный, как у многих, одной лишь черной краской. Нет, это живой, изменяющийся, и что самое поразительное — растущий вместе с героями организм. Потому, что автор, неся собственную человечность, обладает даром показать такую же человеческую сущность у любого, кого он встречает.

Фрид сидел на Лубянке в «одиночке». Его соседями справа и слева были румынский диктатор Антонеску и император Маньчжоу-го Генри Пу-и. Пообщаться со своими именитыми соседями он, понятное дело, не имел возможности.

Дунский тоже сидел с известными людьми, например с генералом Александром Беляевым, очень «номенклатурным» человеком.

Затем был суд, и незаслуженная «десятка».

Первые пять лет они сидели порознь, зато вторую половину провели в Инте, в одном лагере (благодаря А. Каплеру).

Там же, в лагере, писали большой роман. В стихах, чтобы легче запомнить. Назывался он, естественно, «Враг народа» и был произведением скорее автобиографическим, нежели драматургическим.

За десять лагерных лет они написали всего один рассказ. Но какой!

Они могли не написать больше ничего, но уже вошли бы в русскую литературу — вот такой это был рассказ. Он называется «Лучший из них» и, наконец, спустя почти сорок

лет, опубликован в альманахе «Киносценарий».

«Кармен», — сказал поэт Ярослав Смеляков, услышав его впервые.

Сами авторы были скромнее и называли рассказ «лингвистически-этнографическим упражнением, составленным для фиксации тогдашней фени и лагерных нравов».

Пересказать его невозможно — он весь словно сцеплен из «живых» слов, он живет, словами, порядков слов в предложении, а не смыслом.

Если герой выражается матом или феней, то это и есть то единственное возможное выражение данной эмоции. Всякий перевод на обычный, «культурный» язык мгновенно разрушает остроту и смысл данной эмоции. С сюжетом — еще сложнее. Если его пересказывать обычными фразами, то вдруг пропадают люди, события, поступки. А получается обычная «пионерская» история с ворами и уголовниками.

Словом, эти ребята — прощу прощения, уже не ребята, а взрослые люди — сотворили нечто фантастическое.

Рамиль ЯМАЛЕЕВ.

Во времена любви и дружбы

Зран и осень. — 1994. — 23-30 июня (№24). — С. 14-15.